

Волынская губерния в 1812 г. в мемуарах саксонского капитана Линдемана.

Опубликован: //«Минуле і сучасне Волині та Полісся. Україна та Волинь у наполеонівських війнах». Науковий збірник. Вип. 41. Луцьк, 2012. С. 247-248.

Линдеман Ф.Л., капитан, командир роты саксонского 2-го лёгкого пехотного полка 22-й пехотной дивизии Великой армии, ранен и взят в плен 12 августа 1812 г. в сражении при Городечне. Был хорошо принят дежурным генералом 3-й Обсервационной армии К.Ф. Ольдекопом, отказался служить в русско-германском легионе и был направлен для проведения плена в Киев, куда проследовал в августе - сентябре в том числе и через Волынскую губернию. Приводим часть его мемуаров об этом отрезке пути.

Lindeman F.L. Meine Gefangenschaft in Rußland in den Jahren 1812 und 1813; ein Blick in Rußlands Größe und Herrlichkeit. Ronnenburg, 1833. S. 14-31.

Перевод с немецкого и публикация к.и.н. **С.Н. Хомченко** (Бородино).

(247) Число пленных, к которым так же присоединились два саксонских офицера из шеволежерского полка Поленца, капитан Ульрих (Ulrich) и лейтенант фон Рикслебен (von Rixleben), возросло все больше и больше и насчитывало уже около 800 австрийцев и саксонцев. Тяжело раненых и больных укладывали на маленькие русские крестьянские повозки, запряженные худыми лошадьми самой маленькой породы, перед которыми шли более здоровые пленные.

Русские по-прежнему отступали, места, где нас расквартировывали, были жалкими и грязными. Следует добавить, что за каждым нашим шагом внимательно наблюдали. Короче говоря, мы проводили печальные скорбные дни. Ночью, чтобы предотвратить наш возможный побег, с нами были двое конвойных, один из которых располагался в нашей комнате, а второй снаружи, как правило поперёк порога ведущей на улицу двери. Если окна были снабжены ставнями, они тоже тщательно закрывались и охранялись.

После нескольких дневных маршей мы достигли еще не оставленного русскими господами маленького, жалкого и в высшей степени грязного городка Ратно (Ratno). Полковник Ольдекоп позаботился о нас, пленных офицерах, предоставив нам квартиру одного еврея, вероятно, единственную свободную при всеобщей их нехватке (это место было переполнено войсками). Мы заняли комнату еврейской семьи с ужасом и отвращением. В очень ограниченном помещении мы, трое пленных офицеров, шестеро русских конвойных и вся многочисленная еврейская семья, прожили три полных дня, и если днем хотя бы открывались окна, чтобы очистить воздух, который, вследствие пристрастия хозяев к чесноку и никогда не проветривавшихся соломенных тюфяков, был такой спёртый, что привыкнуть к нему было невозможно; поэтому мы ожидали нашего ухода вглубь России с самым большим стремлением.

Здесь в Ратно я и двое моих товарищей по плену получили несколько доказательств приветливого обращения полковника Ольдекопа; он не только приказал своему слуге доставлять нам каждое утро завтрак, но также каждый полдень и вечер мы приглашались к нему, и каждый раз конвойный сопровождал нас туда и обратно. Одному из пленных кавалерийских офицеров, который к тому же болел лихорадкой, он распорядился приносить блюда со своей кухни и лекарства из походной аптеки.

Однажды мы имели удовольствие сидеть за обеденным столом напротив русского генерала Ламберта, с которым саксонцы 10 августа сражались под Пружанами (Pruszone), и обменяться с ним несколькими словами.

Утром в день нашего отъезда из Ратно нам нанёс визит полковник Ольдекоп. Он сообщил о нашем отъезде в полдень и вручил каждому из трёх пленных офицеров по десять дукатов, добавив, что это подарок императора Александра и возмещение того, чего мы лишились, попав в плен, чтобы мы не испытывали нужды при возвращении в Отечество. В нашем тогдашнем положении лишённых всего, ничего, пожалуй, не могло быть более неожиданным и более приятным, чем эта милость вечно незабываемого в мире императора Александра!

Тем временем транспорт пленных выступил уже в первой половине дня, а мы, офицеры, которые должны были в полдень еще раз пообедать у генерала, отправились в поездку во второй половине дня на маленькой повозке, в сопровождении двух казаков, к месту следующей ночёвки, где мы снова догнали впереди идущих. По пути туда я выторговал у одного из сопровождающих саксонскую уланскую шинель, которая в будущем очень хорошо

послужила мне. Оба казака отличались добродушным, дружелюбным и услужливым поведением, особенно по сравнению с другими, и были совершенно бескорыстны. Они эскортировали нас несколько дней, после чего удалились, передав нас башкирам, вызывавшим у нас некоторое недовольство.

Перед нашим уходом из Ратно полковник Ольдекоп имел доброту предоставить мне бывшего при одном старшем офицере саксонского гусарского полка, отставшего и пленённого повара, который превосходно знал русский и польский языки и мог использоваться, как переводчик. Он был уже пожилым и в высшей степени небрежным, но все же оказывал мне и моим товарищам большие и существенные услуги, так как он не только знал условия мест нашей ссылки, но и хорошо умел готовить. Я держал его довольно долгое время при себе в Киеве, но так как его небрежность увеличивалась всё сильнее, я счёл себя обязанным уволить его.

В Ратно мы оставили Русскую армию и проследовали оттуда, в составе наличествующего транспорта, под конвоем двух офицеров и 60 солдат разных родов войск, большей частью выздоровевших из лазарета, по дороге на Киев. Дорога, доставшаяся нам, проходила через Ковель (Kowel), Луцк (Luck), Дубно (Dubno), Острог (Ostrog), Заслав (Zoslow), Полонное (Polonne), Белин (Bilin), Житомир (Zytomyrsz), Брусиллов (Braszyłow), Лишню (Lisznaja), Белогородку (Belogodareck). В Ковеле я использовал день отдыха для покупки некоторых предметов нижнего белья. Еврей, взявшийся доставить его, показал себя расположенным ко мне, так как увидел блестящие дукаты, и потребовал огромную сумму в размере трёх серебряных рублей за новую рубашку из льняной ткани; но я прекратил торговлю на двух серебряных рублях. Остановленный дурной погодой, я не смог изучить положение и особенности этого места. Отсюда мы попали в Луцк, приветливый городок на реке Стыр (Styr), насчитывающий 600 домов и примерно 4000 жителей. Этот населенный пункт, лежащий вдоль берегов Стыри в высокой местности, послужил нам местом почти трехдневного пребывания.

Проследовав далее по дороге на Киев, мы достигли Дубно, волынского города на реке Иква (Iqwa). Он насчитывал 1200 домов и более 6000 жителей. Город был древнейший из-за своих контрактных ярмарок, прекрасно известных, чем и объяснялось здешнее разнообразие наций. В дальнейшем место заключения контрактов перенесли в Киев, вследствие чего этот город был лишён существенных доходов. Евреи вели тут значительную торговлю. Мы получили день отдыха, и встретили здесь несколько русских пехотных полков,

возвращавшихся с турецкой войны из Молдавии и отправлявшихся для усиления армии Торماسова против австрийцев и саксонцев, которые чрезвычайно удивляли своим дико-воинственным видом. Плоский ландшафт со значительными лесными массивами и лугами предавал местности некоторое обаяние.

Вдоль реки Горынь (Horyn) мы попали в Острог, населённый 4000 жителей. В более ранние времена здесь существовал большой приорат (Großpriorat) Мальтийского ордена, куда входили польские и литовские дворяне. В 1798 году он был переведен в Петербург. Дорога из Дубно в Острог проходила через несколько обширных и дремучих лесов. Австро-Галицийская граница находилась недалеко от этой дороги. Нескольким австрийским пленным эти места были родными, поэтому они знали здесь всё. Здоровые пленные всегда упорядоченно шли впереди в колонне по трое, за ними на повозках ехали офицеры и больные. Для приюта пленным солдатам предоставлялись амбары и конюшни. (248) Находясь в больших помещениях, они всегда начинали размышлять, как бы снова оказаться на свободе. Пленные, охранявшиеся множеством конвойных, не знавших немецкого языка, но смотревших во все глаза, всегда вынашивали планы для достижения своей цели. Хотя им не разрешалось советоваться вслух, они всё же могли договариваться на языке пальцев и взглядов, который не понимали русские конвойные.

При каждом выходе, когда пленных выпускали из помещений, их пересчитывали как овец. Каждый становился, как ему заблагорассудится, в любой ряд и место, и после того, как они все выстраивались, число пленных несколько раз внимательно пересчитывалось ведущим транспорт офицером. Такой порядок, как оказалось позже, и повлиял на составление плана побега, так как те, которые решили бежать на очередном переходе, оказались на правом крыле. В середине густого леса, который мы проходили, подготовленный план был исполнен. Шестьдесят пленных вырвались из колонны, некоторые бросались на солдат конвоя, выхватывали у них оружие и скрывались в густых кустах. Сразу же все остальные должны были остановиться, но лошади слишком устали, чтобы верхом можно было преследовать убежавших, и всё было напрасно. Даже несколько русских солдат из конвоя присоединились к беглецам и ускользнули. Через час движение было продолжено, но остальные пленные после этого происшествия оказались под гораздо более строгим наблюдением.

Из Заслава мы прибыли в Полонное, не очень значительный город. Здесь мы жили несколько дней, что было очень приятно для нас. С разрешения русских офицеров мы, три пленные офицера, в сопровождении конвойных, однажды утром отправились в

расположенную неподалёку немецкую колонию Причке (Pritschke) и нашли здесь радушный прием. Мне принесло огромное удовольствие так далеко от родины иметь возможность провести почти целый день среди немцев. Диалект, обычаи, приготовление пищи, чистое вкусное масло, превосходный сыр и хороший, питательный, свежеиспечённый хлеб будто вернули меня в отечество, но тем труднее для меня было горькое прощание. Даже сейчас, спустя много лет, я хочу воздать этим немецким колонистам должную сердечную благодарность, и если ныне прохладная земля окружает останки некоторых из них, то пусть моя неподдельная благодарность перейдёт на их потомков!

Прежде чем я перейду от Полонного далее, я не могу не упомянуть об одном своеобразном инциденте.

Живущий поблизости от указанного места в своём поместье [польский] дворянин, получив известие о прибытии пленных саксонских офицеров, в один прекрасный день приехал сюда в местную гостиницу. Мы получили от него приглашение на стакан вина. Следуя этому приглашению, мы направились с русским офицером в указанную нам гостиницу. Дворянин, по польскому обычаю опоясанный саблей, с подкрученными вверх усами, очень любезно приветствовал нас на ломаном немецком языке у входа. Круглый стол в центре комнаты был заставлен бутылками венгерского вина и стаканами. Дворянин немедленно откупорил одну из бутылок и наполнил блестящие стаканы. Наш благодетель протянул каждому из гостей стакан и через некоторое время произнёс тост за здоровье короля Саксонии, воскликнув: **Vive le roi de Saxe!** Каждый из нас, даже русский офицер, который при любом случае умел вести себя разумно и осторожно, опустошил свой стакан. После маленькой паузы стаканы наполнились снова и наш благодетель, полный воодушевления, провозгласил тост за здоровье Наполеона, высоко подняв стакан и очень громко воскликнув: **Vive l'empereur Napoleon, Protecteur de Pologne!** Воцарилась глубокая тишина, и, глядя на русского офицера, никто не решился поднести стакан ко рту. Офицер покачиванием головы и своим **Nie** (нет) дал нам понять, что мы не должны пить. Однако поляк слегка возмущенным сильным голосом повторил тост за здоровье Наполеона, только и второе его приглашение осталось проигнорированным. Тогда, показав себя вследствие этого обиженным, он сильно топнул ногой по полу, опрокинул в себя стакан, и, полный ярости, разгрыз его. Кровь закапала у него изо рта, а он бросил остатки стакана на землю, так что осколки зазвенели вокруг. Теперь русский офицер воспользовался случаем, чтобы тактично, учитывая нрав дворянина, ответным словом успокоить его. После того, как было велено

принести другой стакан, он снова наполнил стаканы и трижды произносил тост за здоровье императора Александра, причем каждый раз стаканы опустошались и снова наполнялись. Наш благотворитель всё же произнёс последний тост за Наполеона, хотя уже не как за императора, а со словами: **Vive Napoleon le grand General!** Стаканы опустошили все, и таким образом дворянин снова полностью примирился с нами. После того, как мы спокойно провели еще некоторое время в его обществе, он, отправляясь в обратный путь, покинул нас со многими добрыми пожеланиями.

На следующий день мы выехали из этого города, не без умиления всё еще обращая свои взоры на место, где нашли такой тёплый приём у немецких колонистов, и взяли путь через Белин на Житомир. Когда мы въезжали в него, здесь толпилось множество людей, потому что как раз проходила ярмарка. Мы получили большую и вместительную комнату, но очень неудобную; это доказывало недружелюбие по отношению к нам. По прибытии мы пошли к месту расположения русского генерала Сакена и попросили его разрешения иметь возможность свободно ходить по городу без конвоя, что до сих пор не было нам позволено. Наша просьба была мгновенно услышана. Мы получили здесь день отдыха, который я использовал для осмотра города.

Город, насчитывающий примерно 1800 домов, превосходно расположен на реке Тетерев (Teterew). Вдали взгляду открываются красивые виды. За садами по ту сторону города заметны лесистые холмы и овраги. Оживленная жизнь кипела на улицах и люди толпами ходили вверх и вниз. Здесь тоже был заметен коммерческий дух евреев. Большинство домов имеют неплохую конструкцию, но есть и некоторые, в которых жилые помещения находятся под одной крышей с хозяйственными постройками. Тут можно найти несколько церквей превосходной и хорошей постройки. Здесь произошла смена конвойных, и наши сопровождающие вернулись в Луцк.